

Жиль Дове

Наши истоки

1983

Оглавление

1. От Немецкой Лево́й к «Социализму или Варварству»	3
2. Итальянская Ле́вая и Бордига	9
3. Ситуационистский интернационал	13

Жиль Дове (р. 1947) — французский теоретик либертарного коммунизма, один из самых влиятельных современных авторов в социально-революционной среде. Становление его мировоззрения пришлось на период отката революционной волны Красного Мая. Французское общество вступало тогда в новую эпоху — эпоху тотального господства капитала и окончательного распада старого рабочего движения. В этих условиях необходимо было подвести итог всей прошлой истории коммунистического движения и очертить его возможные перспективы.

Дове выделил для себя три главные традиции, наиболее последовательно описывавшие различные измерения коммунизма: немецкий левый коммунизм (коммунизм советов), итальянскую Левую (бордигизм) и ситуационизм. От коммунизма Советов (который во много повторяет идеи классовых анархистов) он взял утверждение *источника* революционного процесса в самоорганизации пролетариата и критику опосредования пролетарского опыта (партий, профсоюзов, рабочей идеологии), но отверг фетишизм самоуправления. Итальянская Левая оказалась полезна глубоким проникновением в *суть* коммунизма, но ее ленинистский багаж и партийную метафизику он оставил в прошлом. Ситуационизм же был хорош современной критикой капиталистических порядков и толкованием коммунизма как универсального, охватывающего все стороны жизни, *движения*. Подробнее об этих традициях, их достоинствах и недостатках, читайте в статье «Наши истоки».

1. От Немецкой Лево́й к «Социализму или Варварству»

Коммунистическое движение, универсальное по своей сути, считавшее своей миссией захват мира по следам капитализма, было одомашнено повсюду, за исключением центральной Европы. Исторический момент требует от нас подвести итог этого движения и оценить противоречия свершившейся контрреволюции.

Последующее революционное поколение [т.е. последующее за поколением эпохи II и III Интернационалов] имело то преимущество, что оно могло дать куда более четкий анализ коммунистического движения прошлого, но наткнулось на другую проблему — оно могло воссоздать теории, эхо которых со временем становилось все громче изначального звука.

Начало первой мировой войны обнажило тотальное банкротство буржуазного мира и рабочего движения. Однако, даже после того, как буржуазный гуманизм и рабочий реформизм, обнявшись за руки, погрузились в пучину окопной грязи, они все равно продолжили действовать так, будто эта катастрофа не уничтожила основание, на котором зиждилось их благополучие, и не ввергла в хаос миллионные массы. Все стремились воссоздать довоенную прак-

тику, только более совершенную, современную и демократичную, в то время как все развитие капиталистической цивилизации доказало полный ее провал, подтверждая апокалиптические прогнозы пролетарских революционеров и худшие опасения просвещенной буржуазии.

«Мы — последние. Почти что самые последние. Сразу после нас начинается другое время, совсем другой мир, принадлежащий тем, кто уже больше ни во что не верит, гордясь и бравирюя этим»
(Ш. Пеги. «Наша молодежь», 1910)¹

Для большей сумятицы, Россия, Коммунистический Интернационал и компартии, нацепив маску радикализма, также поддержали восстановление рабочего движения и обновленной демократии, но уже очень скоро повторили судьбу своих предшественников.

В отличие от тех, кто понапрасну надеялся на активизм, коммунистическая Левая осознала глубину контрреволюции и смогла сделать из этого определенные выводы. Рассматривая себя как элемент движения против капитала, она доказывала, что невозможно представить общие принципы будущей революции вне рамок классовой борьбы, но не только потому, что ситуация кардинально изменилась, но, прежде всего, из-за инвариантной природы коммунистического движения.

Ультралевые появились на свет и выросли как оппозиция социал-демократии и ленинизму, превращающемуся в сталинизм. В пике «левым» ультралевые утверждали революционную спонтанность пролетариата. Немецкий (точнее, германо-голландский) левый коммунизм и его производные отстаивали ту точку зрения, что единственное «человеческое» решение заключается в собственной активности пролетариев, которая не нуждается в обязательной организации и руководстве со стороны; что в автономном рабочем действии зарождаются новые общественные отношения; что опыт самостоятельного ведения рабочими борьбы за частичные улучшения подготавливает их к самостоятельному управлению всем обществом после революции; что рабочие должны решительно отказаться от контроля за их действиями, пускай даже самыми незначительными, со стороны партий и профсоюзов, чтобы завтра не допустить контроля за их жизнями со стороны «рабочего» государства, как произошло в ходе русской революции; наконец, немецкие ультралевые доказали, что партии и профсоюзы полностью вросли в капиталистическую структуру.

До того как Немецкая Левая пришла к положению разрозненных локальных групп, она была наиболее развитой и многочисленной революционной фрак-

¹ Шарль Пеги (1873—1914) — французский поэт и публицист. Его главными вдохновляющими идеями были социализм и национализм. Муссолини называл труды Пеги одним из «источников» фашизма. — прим. пер.

цией движения 17-21 гг. И когда революционная ситуация была сведена на нет, ультралевые, несмотря на все свои недостатки, оставались единственным течением, защищавшим угнетенных при любых условиях. Что также важно, они отказались поддерживать любую войну, будь то антифашистская (которую поддерживали троцкисты и значительная часть анархистов) или национальная (бордигисты), за исключением Испанской Гражданской войны, в ходе которой они дошли до того, что стали поддерживать НКТ.

Утверждая в теории автономию пролетариата от государственного вмешательства, немецкая левая отвергала все, что подрывало способность рабочего класса к самоорганизации: парламентаризм, синдикализм, антифашистские и национальные фронты (в том числе французское Сопротивление) и любые другие структуры, утверждающие диктатуру над пролетариатом.

«Освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса», гласит Манифест. Но в чем заключается это освобождение? Для ультралевых коммунизм был равнозначен рабочему управлению. Они не понимали, что автономия должна распространяться на все сферы жизни, а не ограничиваться одним производством, что пролетарии смогут поддерживать процесс революции, только вырывая с корнем товарный обмен из всех общественных отношений. Новая реорганизация производства создаст лишь новый слой чиновников. Тот, кто ставит во главу угла вопрос управления, обрекает себя на воспроизводство менеджмента.

Власть бюрократии над нашими жизнями — это лишь одна сторона нашего общего отчуждения от самих себя. Это отчуждение — не просто административная реальность, с которой может справиться другая форма менеджмента. Монополия на принятие решений, принадлежащая привилегированному слою лиц, — это продукт общества, построенного на рынке и наемном труде. В докапиталистических обществах ремесленник тоже наблюдал, как его деятельность отрывается от него, когда он приобщается к ценовому механизму. Мало-помалу, логика максимальной выручки лишала его всякой свободы действий. Однако не было никакого «бюрократа», приказывающего ему, что он должен делать. Деньги и наемный труд уже содержат в себе возможность и необходимость отчуждения. Между отчуждением ремесленника и неквалифицированного рабочего с BMW разница только количественная. Понятно, что между средневековым мастером и современным пролетарием лежит пропасть, но в обоих случаях их *«труд зависит от условий, которые лежат вне самого труда»* (Дезами, «Кодекс общности»). Менеджеры лишь олицетворяют отчуждение. Замена бюрократов на рабочие советы вряд ли даст что-то больше, чем замена буржуазии на партийных и профсоюзных чиновников, и, скорее всего, это будет лишь повторением провального опыта русской революции.

Немецкие ультралевые были зажаты между двумя формами контрреволюции, выросшими из рабочей борьбы, — СДПГ и АФТ² — и равно сопротивлялись

обоим. Но они не могли понять феномен ИРМ³. Они не могли понять, что ИРМ или исчезнет, или станет реформистской организацией. У ИРМ были все достоинства автономной рабочей организации. Но чтобы быть революционной, недостаточно быть рабочистской и антибюрократической организацией. Не менее важно содержание деятельности организации. Если организация участвует в профсоюзных акциях, то она, в конечном итоге, сама становится профсоюзом. Схожим образом Немецкая Левая не понимала природу НКТ. Тем не менее, она все же показала, что сводить все к профсоюзам — это явная вульгаризация, и что организованный, открыто контрреволюционный реформизм поддерживается реформистской деятельностью самих рабочих.

Немецкая Левая четко понимала, что первая мировая разделила на историю на старый мир буржуазии и новый мир капитала, и что между этими мирами есть прямая связь. Она могла распознать капитал всюду, включая Советскую Россию, ещё до 1945го, до того, как Бордига разложил все по полочкам. Коммунизм советов [council communism] превратился в чистый консилизм [councilism], но сразу после окончания второй мировой он понимал необходимость оставить позади те теоретические основания, которые сложились между двумя войнам. В 46-ом Паннекук отмечал, что пролетариат понес *«поражение, вызванное слишком ограниченными целями»* и что *«настоящая освободительная борьба ещё не началась»*. Самое чистое выражение революционной волны 17-21гг. — Немецкая Левая — вместе со всеми достоинствами воспроизводила и все недостатки ушедшей эпохи.

Полноправным наследником ультралевой после войны стала группа «Социализм или Варварство», выпускавшая одноименный журнал с 49 по 65гг. В чисто организационном плане, группа происходила из троцкистских и отчасти бордигистских кругов, но фактически она стояла на четких консилистских позициях. К коммунизму советов группа пришла через отрицание троцкистского анализа СССР и осмысление феномена бюрократии.

Одно из главных достоинств «Социализма или Варварства» состоит в том, что они искали «ответ» в пролетариате. Без всякого популизма или преклонения перед «рабочими ценностями», они утверждали общение рабочих как необходимое условие коммунистического движения. Поэтому они поддерживали различные формы самовыражения рабочих, например, «Рабочую Трибуну» — бюллетень, выпускавшуюся работниками завода Рено. Участники «Социализма или Варварства» рассматривали себя как часть широкого движения, которое проявит себя во время Красного Мая и поспособствует рождению за-

² Социал-демократическая Партия Германии, Американская Федерация Труда. СДПГ представляется эталоном политической рабочей партии, а АФТ — эталоном реформистского профсоюза — прим. пер.

³ Индустриальные Рабочие Мира — революционный синдикат, отвергавший как традиционные профсоюзы, так и политические партии.

чатков автономных организаций типа Межпрофессиональных Комитетов.⁴ То, что небольшие группы рабочих собираются вместе и дискутируют, безусловно является условием коммунизма.

Партии и профсоюзы предлагают рабочим свои услуги обмен на признание и поддержку, в том числе финансовую. Радикальные левые группы пытаются предлагать пролетариям более надежную защиту их интересов, чем та, что предоставляют профсоюзные и партийные бюрократы, которых они критикуют за излишнюю умеренность. При этом в обмен они требуют ещё меньше — всего лишь признание их программы. Сторонники привнесения сознания или либертарии — все видят «решение» в соединении коммунизма и пролетариата. Коммунизм для них есть нечто внешнее по отношению к рабочему классу. Не видя между пролетариатом и революцией сущностной связи — за исключением того, что революцию делают рабочие, — своим призванием они считают привнесение коммунистической программы.

«Социализм или Варварство» показал, что рабочее действие — это не просто борьба против эксплуатации — оно всегда содержит в себе ростки новых общественных отношений. Но группа видела эти ростки только в форме самоорганизации, а не в пролетарской практике — чудовищном воплощении человеческой жизни, внезапный прорыв которой может породить иной мир.

Простое наблюдение за жизнью фабрики, если оно не запутывается в вопросах организации и управления работой, позволяет нам пролить свет на коммунистическое направление пролетарской борьбы. Поэтому заметка «Американский Рабочий» за авторством Риа Стоуна⁵, опубликованные в первых выпусках журнала, лучше раскрывают суть социализма, чем будущие работы Шоли⁶ (однако, вряд ли публикация текстов Стоуна была бы возможной без «ошибки» Шоли).

«Социализм или Варварство» порвал с рабочизмом. «Опыт Пролетариата» Лефора — несомненно, самый глубокий текст группы. Но вместе с тем, он очерчивает и пределы группы, тупик, в который уперлась их деятельность. В

⁴ «Межпрофессиональный Комитет (Inter-Enterprise) объединил рабочих — индивидов и группы — из нескольких дюжин предприятий Парижского региона. В его функции входила координация акций против подрыва забастовки со стороны СЖТ, подконтрольного ФКП профсоюза. Фактически, это был единственный рабочий орган, который на практике вышел за узкие пределы фабрики, воплощая на практике солидарность между рабочими из различных фирм. Как и во всех случаях революционной деятельности пролетариата, этот Комитет не рекламировал свои действия. (. . .) целью Комитета во время стачки было усиление борьбы против профсоюзных и партийных маневров, позже он превратился в дискуссионный кружок, изучавший результаты стачки и стремившийся извлечь из неё уроки на будущее. В этих дискуссиях часто говорилось о коммунизме и его значении». Франсуа Мартен. «Классовая борьба и ее самые характерные аспекты в последние годы»

⁵ Псевдоним Грейс Ли Боггз, участницы тенденции Джонсона-Фореста троцкистской Рабочей Партии (США) — прим. пер.

⁶ Псевдоним К. Касториадиса

результате они продолжили искать потерянное звено, соединяющее нищету бытия пролетариев и их открытый бунт против капитала. Меж тем, именно в самом себе пролетариат находит содержание революции и основание для бунта, а не в какой-то организации, привносящей ему сознание или предоставляющей ему площадку для перегруппировки. Для Лефора революционный механизм находился в самом рабочем классе, но, скорее, в его организации, чем в его антагонистичном положении. Так что и он тоже, в конечном счете, свел содержание социализма к рабочему управлению.

Вскоре вместо пропагандируемых Лефором «рабочих заметок», «Социализм или Варварство» ударился в рабочую социологию, так что группа вскоре закончила тем, что любое событие анализировала с точки зрения деления труда на исполнительский и управленческий. В этом, полагала группа, лежит их отличие от Informations et Correspondances Ouvrières⁷, рабочистского и консилистского журнала и группы, более прямого выражения рабочей автономии, и Groupe de Liaison pour l'Action des Travailleurs, группы столь же рабочистской, но ориентированной больше на научный анализ капиталистической эволюции. И ICO и GLAT позже будут присутствовать в корпусе Censier университета Сорбонны, оккупированном революционерами во время Красного Мая.

Венгерская Революция придала жизненных сил группе, но в то же время укрепила ее консилизм. В результате, в Революции они видели подтверждение своих идей, хотя в действительности структура советов доказала, что она может действовать в абсолютно отличном от консилистских представлений направлении, например, может оказать поддержку либеральному сталинисту. Вскоре «Социализм или Варварство» разорвал с марксистской традицией, и их интеллектуальное странствие завершилось в 1965г. Одним из результатов этой эволюции стало образование в 63г. группы Pouvoir Ouvrier, членом которой был Пьер Гийом, два года спустя открывший книжную лавку La Vieille Taupe, о которой мы ещё упомянем чуть позже.

Как и Ситуационистский Интернационал, «Социализм или Варварство» сконцентрировался на анализе модернизации западного общества, но подошел к этому с другой стороны. Их идеи о бюрократическом капитализме и бюрократическом обществе, возникшие из всеобщего опасения перед приходом к власти сталинистов и из наблюдения за дирижируемым государством централизованным разложением французского общества, были отражением кризиса, въевшегося в доминирующую индустриальную модель, особенно во Франции. Движение мая'68 со своими лозунгами типа «Власть рабочих, власть крестьян, власть студентов» (название июньской брошюры Объединенной Социалистической Партии (PSU)), с «автономным и демократическим управлением» как первоочередной задачей популяризировала темы «Социализма или Варварства», и в то же время продемонстрировало пределы группы и самого

⁷ В 1975г. ICO сменила название на Echanges et mouvement

движения.

В 69ом журнал *Invariance* отмечал: «*«Социализм или Варварство» не был случайностью. Он определенно выражал позицию, распространенную по всему миру: интерпретацию ухода пролетариата и рождения новых средних классов. . . Группа выполнила свою задачу преодоления сект, она отвергла прошлое и открылась непосредственному, настоящему.*».

2. Итальянская Левая и Бордига

Другое течение левого коммунизма, более известное как «Итальянская Левая», показало, что пролетарий — это нечто большее, чем просто производитель, который борется против своей нищеты (тезис левых) или против эксплуатации (тезис леваков). Итальянская Левая видела в работах Маркса «описание характера коммунистического общества» (Бордига). Она утверждала содержание революции как отмену рынка товаров и рынка труда.

Итальянская левая вернула к жизни понятие утопии. «Мы единственные, кто основывает свою деятельность в будущем». Бордига подверг уничтожительной критике пропагандируемое Энгельсом разделение между наукой и утопией. Бордига определял революционеров как «исследователей будущего». Для него утопия была не предсказанием, но перспективой будущего. Он вернул революции ее человеческое содержание и даже приблизился к тому, что двадцать лет спустя будет называться экологией. Но, к сожалению, он не смог прийти к пониманию революции как динамичного сообщества людей, коммунизирующего мир, а так и сохранил старое понятие о революции как выполнении программы «партии».

Движение коммунизации, разрушающее государство, подрывающее социальную основу врага и распространяющееся как призыв, пробуждающий рождение новых общественных отношений, лучше всякой власти будет связывать революционный лагерь. Всякая власть, захватывающая мир до его коммунизации, будет действовать как обычное государство. Ряд простых мероприятий даст колоссальную экономию материальных ресурсов. Коммунизм означает крушение целого ряда отраслей производства, обязанных своим существованием только «эффекту масштаба». Валоризация, заложенная в основу концентрации капитала, толкает капитализм к гигантизму (мегаполисам, булимии энергетики) и обязывает его пренебрегать недостаточно прибыльными производствами. Коммунизм, напротив, будет способен к децентрализации, к использованию локальных ресурсов, и не потому, что человечество, концентрированное в партии, так постановит — сама автономная человеческая активность вынудит людей жить на этой планете кардинально другим образом. И тогда описанный Бордигой конфликт «пространства и бетона» исчезнет.

Итальянская Левая, особенно после 1945го, не рассматривала коммунизм как движение человеческой активности с тенденцией к самоосвобождению.

Пролетариат после 1917го сражался, но при этом не атаковал основы общества, и поэтому радикальные группы с большим трудом могли понять эти основы, а значит и основы самой революции.

Более того, сам Бордига не мог осознать всех выводов, которые исходили из его видения коммунизма. Вместо определения «диктатуры пролетариата» как коммунизации, он свел ее к чисто политической диктатуре, т.е. для него революция стала лишь вопросом власти. Немецкая левая подозревала, что коммунизм заключен в пролетарском бытии, но не понимала всю подлинную суть коммунизма. Итальянская левая, наоборот, понимала природу коммунизма, но отказывала пролетариату в его осуществлении, передоверяя эту роль партии, стражу революционных принципов; стражу безгрешному, а потому наделенному полномочиями навязывать их силой.

Бордига последовательно и всесторонне критиковал демократию. Люди часто ставят демократии в укор то, что она посредством голосования разделяет объединенных действием пролетариев, и вместо этого они предлагают «настоящую» или «рабочую демократию», в рамках которой все решения принимаются всеми участниками общих собраний и т.д. Бордига же доказал, что любая демократия несет в себе это разделение, так как она обособляет сам момент принятия решения. Заставить верить в то, что можно все подвесить в произвольный момент, чтобы узнать какое будет принято решение и кто будет назначен ответственным за его исполнение, создать для этого процедуру обсуждения и принятия решения — в этом заключается демократическая иллюзия. Человеческая деятельность только в том случае приходит к изоляции момента принятия решений, если эта деятельность сама по себе противоречива, когда она уже отягощена конфликтами и противоборствующими фракциями. Структура подсчета разных мнений — это мистификация настоящего решения, заранее принятого за кулисами.

Демократия создаёт промежуток во времени, когда все будто начинается сначала. Можно исследовать демократический ритуал по аналогии с тем, как Мирча Элиаде исследовал религию, в которой периодически обыгрывается становление порядка из хаоса, возвращение к началу времен, когда всё вновь становится возможным. Демократия была возведена в принцип в тех обществах, где правящие классы должны были делиться частью своей власти, подчиняясь правилам игры, даже если это означало диктатуру (допустимая форма правления в Древней Греции).⁸

⁸ Вероятно, Дове имеет в виду идею Элиаде о «терроре истории», теорию о циклической природе мифологизированной истории. Элиаде утверждал, что человек традиционного общества не придает никакого значения линейному ходу исторических событий — только события мифического времени имеют ценность. Чтобы придать значение своей жизни, традиционный человек проводит ритуалы и обыгрывает мифы. Так как сущность Священного заключается только в мифическом времени, только в первом проявлении Священного, каждое последующее проявление будет на самом деле этим первым проявлением; пересказ и воспроизведение мифических

Хотя Бордига ярко продемонстрировал как демократический принцип противоречит основам человеческой жизни и революционной борьбы, он не мог представить себе взаимодействие подрывной активности пролетариев, и не видел иного выхода кроме диктатуры (партии). Немецкая левая впала в демократическую ошибку, проявившуюся в фетишизме рабочих советов. Итальянская левая не могла постигнуть подрывной потенциал пролетариата и его возможность централизации своих действий и встретила с ложной альтернативой, которую она ставила себе в вину, и стала стремиться к диктатуре, приходящей, если понадобится, в монолитную дисциплину.

Крайне противоречиво, но при этом очень глубоко, Бордига критиковал Ленина, социал-демократию и марксизм. Возвращаясь к ленинским тезисам, он дошел до того, что написал длинный панегирик «Детской болезни левизны», благодаря которому значительная часть революционеров поколения после 68 года видела в бордигизме только разновидность ленинизма.

Немецкая левая считала, что класс представляется унитарными низовыми рабочими организациями, итальянская левая отводила эту роль профсоюзам. Сам факт нахождения рабочих в профсоюзе казался им более важным, чем деятельность в его рамках. *«Профсоюз, даже если он коррумпирован, всегда остается рабочим центром»* (Бордига, 1921). С такой точки зрения, в профсоюзе всегда остается революционный потенциал. И у тех и у других форма — организация рабочих — ставилась впереди содержания — функции организации. Беда Бордиги заключалась в том, что он унаследовал фундаментальную ошибку Второго Интернационала — разделение борьбы на экономическую и политическую. Революционное выступление 1917-21гг. отвергло это разделение на практике, но в теории так и не смогло его преодолеть.

«Пролетарское сознание появляется в тот момент, когда частичная экономическая борьба достигает своей высшей фазы — политической борьбы, борьбы, ставящей во главу угла вопрос захвата власти» (Communisme, №1, апрель 1937). Нет, и в начальной фазе движения и в конечной уже содержится элемент социальной критики (как его открыть, помочь ему созреть — все зависит от этого), критики, ставящей под вопрос само существование экономики и политики через отрицание реализма (т.е. требований, совместимых с существованием частного предприятия) и посредничества (участия во власти, доверия организациям-посредникам между трудом и капиталом).

событий «реактуализируют» эти события. Следовательно, утверждает Элиаде, религиозное поведение не просто отмечает, но также участвует в священных событиях. «Имитируя типичные жесты бога или мифического героя или просто пересказывая их приключения, человек архаичного общества удаляется от профанного времени и магическим образом заново приобщается к Великому Времени, священному времени». Схожим образом, демократ, словно верующий человек, воспроизводит идеализированный мифический момент Древней Греции (или любой другой мифический момент демократической истории), удаляясь при этом от мира реального коллективного действия. — прим. пер.

Недостаток Бордиги происходил из его неспособности понять, что коммунизм вызревает из нужд и практик, продиктованных конкретным положением пролетариата. Бордига ставил вопрос перехода от экономической борьбы рабочих к политике и тем самым раскалывал революционный процесс. Он знал, что коммунизм нельзя «построить», что революция призвана преодолеть преграды на пути к жизни, большинство элементов которой уже существуют «во внутренних» капитализма. Но революция так и осталась для него актом политической власти, преобразующей экономику. Он не хотел признавать, что коммунизация и борьба против государства должны происходить одновременно.

Спекуляции по поводу разных форм организации (советы/партии/массовые рабочие организации) и отделение в теории политики от экономики ясно свидетельствуют, что пролетариат, утратив чувство единства перед началом первой мировой, так и не смог обнаружить его вновь после 1917го. Организация была призвана заполнить вакуум, образовавшийся в отсутствие революционной активности пролетариата. Когда общественные противоречия не приводят к подрывному движению, люди начинают искать универсальную теоретическую отмычку, которая откроет все двери, ведущие к новому миру. Бордига нашел такую в экономистском рабочем движении, которое, как предполагалось, при поддержке партии сможет породить революционное действие. Этот стереотип вытеснил виденье тотальности.

В 1968г. вышел в свет первый номер журнала *Invariance*, продолживший традицию Бордиги. В книжной лавке *La Vielle Taure* Пьер Гийом очень рекомендовал его своим посетителям и друзьям. Главное достоинство «Инварианта» было в том, что он привлек внимание к богатейшим аспектам теории Бордиги, пока Интернациональная Коммунистическая Партия, заявлявшая о себе как единственном наследнике Бордиги, ничего о них не рассказывала и даже скрывала уникальность Бордиги во имя партийной анонимности, чтобы пропагандировать «отрицающие» аспекты Итальянской левой: борьбу с антифашизмом, просветительством и пр.

Бордига видел в работах Маркса описание коммунизма. С самого первого номера, написанного Каматтом и Дангевилем, *Invariance* утверждал: «*Маркс и Энгельс выводили характеристики партийной формы из описания коммунистического общества*». Но *Invariance* так и остался заложником партийной метафизики.

В период времени с 1917 по 1937 истинная сущность пролетариата проявлялась слабо — но ещё слабее она проявлялась на высшей стадии контрреволюции, характерной для войны и послевоенного восстановления — следствии нужд и действий, вызванных положением пролетариата в обществе. Для противостояния контрреволюции итальянские Левые создали метафизику пролетариата, бытие, вместо реального движения которого на самом деле не было, и использовали его отождествление с партией для предотвращения

возможной революции, как в случае с недоверием к «анархизму» (термин, используемый для описания консилизма Немецкой Лево́й), которое служило оправданием риска отступления от демократических принципов.

3. Ситуационистский интернационал

Начавшееся в 50-ых вторжение капитала в общественную жизнь, ускоренное экономическим ростом, породило и соответствующую либеральную критику: работы Вэнса Пакарда о запланированном устаревании, Дэвида Рисмэна об одинокой толпе, Анри Лефевра о повседневной жизни и т.д. В таких менее товаризированных странах как Франция, долго сохранялось прохладное отношение к «американизму» (характерный пример — статьи в *Le Monde*). В начале 60ых, когда практическая пролетарская критика совпала с сомнением в безграничности и направленности экономического роста, весь способ и образ капиталистической жизни находился в глубоком кризисе. В таком контексте Ситуационистский Интернационал (1957—1971), стал местом встречи Нового Мира, гордого своей современностью, и Старого Мира, терпящего крушение под натиском массового потребления, объединявшего немцев, скандинавов, американцев с одной стороны и французов и итальянцев — с другой, сделав решающий вклад в критику всеобщей рыночной колонизации.

Продукт просперити 60-ых, СИ смог инициировать глубокую критику действительности, не запираясь при этом в узнице экономики/политики/заводов/рабочих, и, в то же время, как и работники «Фиата» в 69ом, сделал пространство вне рабочего места (жилище и транспорт) стартовой площадкой своей активности. СИ установил связь с критикой политической экономии периода, предшествовавшего революции 1848г.

Историческая эволюция привела нас к пониманию того, что жизнь наемного раба не заканчивается на рабочем месте. Старое рабочее движение, которое растворилось как социальная сеть, чтобы открыть путь для структур-посредников, рассеялось во всех сферах бытия пролетария. Сегодня партии и профсоюзы стали простыми фирмами, предоставляющими определенные социальные услуги, и ничем не отличаются от обычной госконторы.

СИ критиковал «урбанизм», науку, техники воспроизводства общественных отношений, в которых были порваны прежние коллективные отношения. Капитал упразднил и город, и деревню, и взамен породил некий гибрид, город без центра. Капитал создал пространство по своему образу и подобию, т.е. создал общество без определенного центра, общество, чей центр был повсюду. Эксперименты по переустройству городского ландшафта (характерный пример — район Пульман в Чикаго в конце 19 в.)⁹ не смогли предотвратить

⁹ С трудового конфликта на заводе «Пульман» в 1894г. началась забастовка железнодорожников, распространившаяся по всей Америке — прим. пер.

ни бунты рабочих, ни разрешить какие-либо социальные проблемы вообще. Проект «идеального» города в Арк-э-Сенан Клода-Николя Леду в конце 18 в.¹⁰ провалился, так как рабочее место не могло и не может быть единственным центром мира наёмного труда. «Нормальный» современный город интегрирует рабочих лучше, потому что им нужно скорее капиталистическое окружение, чем сами капиталисты. Капиталистическое окружение поддерживает общность, даже если это во многом (но далеко не полностью) рыночная общность, образованная телевидением и супермаркетами, где автомобиль служит средством соединения разъединенных пространств. В любом случае, ТВ, супермаркет и машина предполагают существование реальных людей, которые будут смотреть, ходить и действовать сообща.

Ситуационисты искали в современном городе новые способы эксплуатации имеющихся пространств. Так зарождалась новая утопия. Поначалу СИ верил, что мы можем экспериментировать с новыми образами жизни, но в конечном счете он доказал, что рекуперация условий существования мыслима только как коллективная рекуперация всех аспектов жизни. Ситуационисты придали новое значение требованию создания новых общественных отношений. В то время как большинство революционеров обсуждали вопросы «взятия власти» или «отмены государства», СИ стал рассматривать революцию не только в ее политическом аспекте, но как кардинальное изменение жизни вообще. «Банальность» — скажите вы? Но эта банальность вновь стала неотъемлемой частью революционного движения только в 60-ых и во многом благодаря именно ситуационистам.

Продукт консилизма (Ги Дебор несколько месяцев состоял в «Социализме или Варварстве») и его последующего отрицания, Ситуационистский Интернационал начал с критики зрелища как пассивности и трансформации всей деятельности в созерцание, что привело к утверждению коммунизма как активности.

Дерзкие, отвергающие всякие авторитеты и стереотипы, свободные от проблематики рабочих организаций (в отличие от групп типа *Pouvoir Ouvrier* или *ICO*) ситуационисты расшевелили ультралевых. Но ситуационистская теория зрелища привела их в тупик, т.е. к консилизму. Будучи скорее выражением атаки на товарность, чем частью (отсутствующего) общего движения против капитала, СИ не выработал анализа капиталистического процесса как целого. Как и «Социализм или Варварство» он видел в капитале форму управления, лишаящую пролетариев всякой власти над своими жизнями, и пришел к тому,

¹⁰ Королевская солеварня в Арк-э-Сенан находится в лесу Шо неподалёку от Безансона, Франция. Леду предпринял амбициозную попытку применить рационализм философов Просвещения к планировке и архитектуре крупного промышленного комплекса. Планы Леду предусматривали оптимальное сочетание промышленной, административной и жилой застройки с целью «совершенствования общества» — прим. пер.

что необходимо найти механизм, привлекающий к участию каждого. Плюс к этому ситуационисты добавили оппозицию активное/пассивное. Представляя капитализм прежде всего как зрелище, а не как капитал, они ставили на первое место преодоление пассивности, средством которому служила демократия, пространством — совет, а образом жизни — всеобщее самоуправление.

Идея зрелища поглотила идею капитала и инвертировала реальность. СИ забыл, что *«самая характерная черта капиталистического разделения труда заключается в превращении рабочего из активного производителя в наблюдателя своего труда»* («The Working Class: A Break With The Past» Stanley Aronowitz). «Зрелище» имеет своими корнями отношения производства и работы, т.е. то, что создает капитал. Понять зрелище можно только из осмысления сути капитализма, а не наоборот. Зрелище и пассивное созерцание — это следствия более фундаментального явления. Относительное удовлетворение «нужд», сконструированных капиталом в последние полтора века (хлеб, работа, жилье) — вот в чем причина пассивного поведения. Теоретическая концепция зрелища как главного мотора или «сущности» общества определенно была идеалистична.

Как и коммунисты советов, ситуационисты видели возможность коммунизма в спонтанной пролетарской активности, но они не могли понять суть этой активности. Они прославляли общие собрания и рабочие советы, вместо того, чтобы обратить внимание на содержание, которое эти формы должны были достигнуть; они впали в высмеиваемый ими же формализм ультралевых.

СИ раскрыл религиозный характер активизма — раздробленной практики, в которой индивид действует за идею, абстрагируясь при этом от своей личной жизни, подавляет свои желания и жертвует собой ради внешней по отношению к нему цели. Даже вне классических политических организаций (компартий, леворадикальных группировок) перманентное революционное действие иногда доходит до активизма: личность, полностью посвящая себя группе, запертая в рамках определенного мировоззрения, становится неспособной к революционному действию, когда оно становится действительно возможным.

Но это отрицание активизма, вместо приобщения к практике и осмысления действительных отношений, предваряющих активистское поведение, привело к требованию к членам Интернационала «радикального отношения» ко всему. Вместо активистской моральности СИ прибегло к «радикальности», неработоспособной настолько же, насколько и нестерпимой.

Неудовлетворенный простым обличением зрелища, СИ захотел обратить его против самого общества, в котором обитало зрелище. Страсбургский скандал, предвещавший Красный Май, был крупным успехом. Но СИ возвел этот успех в систему, и злоупотребление им вернулось ситуационистам сторицей. Повторение скандальных рекламных техник превратилось в систематическое контрманипулирование. Не бывает антирекламной рекламы. Нельзя использовать медиа для распространения революционных идей.

В противоположность ложной скромности активистов СИ ставил себя в центр вселенной и бесконечно преувеличивал свое влияние на мировую ситуацию. Постоянные отсылки к Макиавелли, Клаузевицу и другим военным теоретикам были больше, чем просто провокацией. Ситуационисты верили, что правильная стратегия позволит группе достаточно толковых людей манипулировать СМИ и направлять общественное мнение в революционное русло. Это лучшее доказательство несостоятельности концепции спектакля, по крайней мере, его идеалистической интерпретации. По началу, ситуационистский эгоцентризм, представление СИ себя в качестве агента революционного созревания, могло казаться шуткой. Но когда это стало навязчивой темой, можно было легко поверить, что ситуационисты говорят это на полном серьезе.

Из всего многообразия революционной мысли эпохи Красного Мая, именно ситуационистская теория максимально приблизились к истинному пониманию коммунизма. Но СИ остался заложником старых консилистских иллюзий, к которым он добавил свои, воплощая идеи революционного *savoir vivre* (искусства жизни). Он создал свою особую этику, в которой наслаждение заменило место человеческой деятельности. В этом плане они остались в рамках буржуазного представления об изобилии, достигаемого через автоматизацию, и довольствовались описанием конца работы как необузданной, безграничной праздности.

Итальянская Левая понимала коммунизм как уничтожение рынка. Она также порвала с культом производительных сил, но не смогла увидеть колоссальную подрывную силу конкретных коммунистических мер. Бордига перенес коммунизацию на следующий день после взятия власти. СИ представлял революцию как непосредственную и прогрессивную детоваризацию, он видел революционный процесс в людских отношениях, именно поэтому, они полагали, государство не может быть уничтожено одним насилием. Как исполнитель роли посредника в обществе, государство будет упразднено в результате подрыва основы, на которой оно зиждется, — отношениях труда и капитала.

Ситуационисты совершили ошибку, симметричную той, что совершил Бордига. Тот свел революцию к выполнению программы партии. Ситуационисты ограничили ее переворотом в межличностных отношениях. Ни Бордига, ни СИ не постигли тотальности. Если у первого итог деятельности абстрагировался от практических средств и действительных отношений, то у второго итог не имел единства и причинности, а был постепенно развертывающейся суммой частных моментов. Неспособные теоретически доминировать над революционным движением, оба они обратились к организационным паллиативам: партии для одного и советам для второго.

В своей деперсонализации движения Бордига дошел до того, что лишал себя всякой индивидуальности и прятался в тени самовредящей анонимности, которая открывала дорогу манипуляциям Интернациональной Коммунистической Партии. СИ действовал абсолютно противоположным образом, он доводил

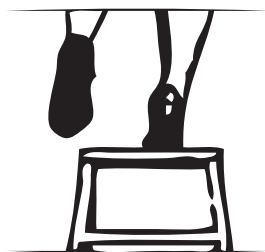
здоровый индивидуализм до элитизма, а себя ставил в центре вселенной.

Хоть члены СИ и не знали почти ничего об Итальянской Левой, ситуационизм привнес в революционный синтез, основы которого были заложены в 68ом, никак не меньше Бордиги.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Жиль Дове
Наши истоки
1983

Перевод с английского. Опубликовано в «Максималисте» №2.
Сохранено 1 февраля 2012г. из revsoc.org